

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

Сформулировано утверждение, что позитивное знание, апеллирующее к элиминации «несоответствующих» сегментов актуальной для нас действительности, наделяет такую модель реальности несоответствием высокого порядка, а сокрытие такого положения вещей «позитивное» знание производит посредством объявления всего нерационального бессмысленным. Речь идёт об использовании унаследованного принципа средневековой традиции, и поэтому на данном этапе постмодернистский дискурс является своеобразной попыткой преодоления крайне негативного социокультурного противоречия рационального – иррационального.

Ключевые слова: объективное знание; фальсификация; рациональность; интеллектуальная ситуация; реальность.

Принято считать, что проблема фальсификации тесно связана с проблемой демаркации. Однако, учитывая некоторые особенности понятия «объективности» (а следовательно, и особенности объективного знания), возникает вопрос об аспекте видения, который определяет собственно объективность той или иной системы знания. Другими словами, проблема достоверности основания знания сохраняет свою актуальность, невзирая на такой инструмент, как демаркация. В контексте рассуждения П. Фейерабенда о теориях и экспериментальных результатах, которые «никогда не являются вполне формализованными и интерпретированными, класс базисных утверждений никогда не “дан” просто» [1. С. 222–223], мы сталкиваемся с реальным подтверждением рациональной несводимости так называемых утверждений (базиса) и соответствующих выводов (следствий). Во-первых, базисные утверждения – пресуппозитивны (и К. Поппер был не единственным, кто не смог это опровергнуть: невозможна *полная* информация и интерпретация знания), во-вторых, именно их во многом интуитивная природа и структурирует определенным образом теории, гипотезы – в общем, все, что мы называем знанием. «Содержание и теории, и эксперимента часто образуется опровержением, осуществленным и признанным научным сообществом. Опровержения тогда не являются базисом решения фальсифицируемости: ученый... благодаря этому решает, какого вида теорию он хочет получить» [1. С. 223], – но довольно часто различного рода опровержения лежат на поверхности и, следовательно, а priori принимают участие в конституировании теории (т.е. процесс может иметь такой же вид, но протекать в ускоренном режиме) именно того вида, который необходим *здесь и теперь*. Проблема в том, что теории любого вида по определению, с точки зрения объективного знания «карикатурны», что совершенно исключается и игнорируется как К. Поппером, так и его последователями.

Поскольку атрибутом рациональной схемы принято считать объективное знание, то помимо возникающего непонимания феномена *объективности* актуален вопрос о возможности последнего (объективного знания) как архетипа. Во-первых, чем обусловлено само непонимание феномена объективности, если десигнат реальности и десигнат истинного определён со времён древнегреческой архаики? Во-вторых, при-

знание за принципом целесообразности статуса объективности весьма напоминает природу декартовского сомнения. Поэтому в конечном счете не может быть ничего удивительного и неожиданного в актуализации современного постмодернистского дискурса, основанием которого явилась, вне всяких сомнений, именно система «позитивного» знания, сумевшая ко второй половине XX столетия в своей *объективности* превзойти известные схоластические и алхимические системы прошлого. «В эйнштейновской теории гравитации представление о материи и её динамических взаимодействиях базируется на понятии геометрической структуры, внутренне присущей пространственно-временному континууму. Идеальным устремлением этой теории, ее конечной целью является не более не менее как доказательство следующего утверждения: четырехмерный континуум, наделённый определённой внутренней геометрической структурой, которая подчинена определённым, присутствующим чисто ей геометрическим законам, должен представлять адекватную модель или картину “окружающего нас реального мира в пространстве и времени” со всем, что он содержит, описывающую его поведение как целого, – картину всех событий, разыгрывающихся в нём» [2. С. 10], – рассуждает австрийский физик-теоретик, лауреат Нобелевской премии. «Поиски геометрического образа мироздания – центральное место современной Теории Великого Объединения, где в геометрической фигуре должны непротиворечиво объединиться четыре фундаментальные силы: сильное, слабое, электромагнитное и гравитационное взаимодействия, которые действуют в природе и на базе которых объясняется строение и эволюция материи. Современный научный смысл Теории Великого Объединения формируется выражением “всё связано со всем”, где задача теории – найти основу этой связи» [3. С. 183], – делает не менее эпохальный вывод о «теории» доктор филологических наук, профессор А. Гируцкий. Приведенные примеры, к сожалению, являются узаконенной нормой теоретических систем позитивного знания. Таким образом, современная система знания, структурированная архетипом *объективного*, естественным образом является высокоточным образцом постмодернистского дискурса.

Социальный аспект реальности вне реальности эпистемологической – нонсенс, так как именно от

того, что принимается в качестве *реального* в конкретной системе социальных отношений в конкретный исторический момент, и одновременно от того, какие эпистемологические методы «востребованы» реальностью, зависит тип так называемого социокультурного компонента (контекст научных революций всегда имеет социальную природу, по Т. Куну). Другой вопрос в том, почему определенные сообщества делают именно *этот* выбор: «Решение о том, что следует считать реальным, является одним из наиболее важных решений как отдельного индивида, так и группы людей, ибо оно оказывает влияние на частную и общественную жизнь каждого человека» [1. С. 228]. Другими словами, чем обусловлена целесообразность конкретного выбора и вообще можем ли мы ее указать: иррациональные аспекты дискурса и тут напоминают о себе позитивному знанию, предлагающему в этой связи отговорки весьма сомнительного характера (мышление – это процесс отражения объективно существующей действительности, данной нам в восприятии и т.д.).

Рационализм в различных модификациях (вплоть до вульгарного марксизма) не теряет надежды на обретение *абсолютного* основания системы знания, при этом демонстрируется несокрушимая уверенность в возможности полной его рационализации; при этом неизбежное системное противоречие (возможность субстанционального познания при отрицании субстанции) игнорируется. Соответственно, социальная реальность в этом случае приобретает черты рационального диктата. К примеру, если дарвинистская теория эволюции соответствует представлению, то этого достаточно для того, чтобы объявить библейский миф о грехопадении опровергнутым вышеуказанной теорией (принципиальная невозможность противоречия данных контекстов не учитывается и не прослеживается). Впрочем, избитый пример коперниканской революции и позиция высоких схоластов – классический пример диктата с точностью до наоборот. Таким образом, факт как результат социального дискурса является и объектом «воздействия» и субъектом «действия» одновременно. Социальная реальность как конкретизированная форма, «форма жизни» [4] – это не что иное, как объект, исследование которого не может определиться с тем «первым шагом», без которого конституирование целостной системы невозможно: «Первичная импрессия есть [нечто] абсолютно немодифицированное, первичный источник для всего дальнейшего сознания и бытия» [5. С. 71].

Ввиду изложенного, т.е. ввиду того что реальность (в истолковании Парменида), «отождествившись» с рациональной моделью (реальности) и исключив по определению фактор субъектности, объявив фактически процедуру доказательства единственно возможной для получения *истинного* знания, следует: «Фраза “приблизиться к истине” лишена смысла» [1. С. 244], так как бесконечная процедура доказательства не может пренебрегать другими актуальными для нас элементами восприятия и не может посредством суммы доказательств структурировать модель, представленную элементами, неактуальными для системы доказа-

тельства. Следовательно, позитивное знание, апеллирующее к элиминации «несоответствующих» сегментов актуальной для нас действительности, приговаривает такую модель реальности к *несоответствию* довольно высокого порядка, а сокрытие такого положения вещей «позитивное» знание производит посредством объявления всего нерационального бессмысленным. Фактически речь идет об использовании унаследованного принципа средневековой традиции. Поэтому постмодернистский дискурс, в самом широком смысле, является своеобразной попыткой преодоления крайне негативного социокультурного противоречия рационального – иррационального. В конце концов сколько бы мы ни пытались убеждать себя в возможности *полного* постижения реальности, на поверку при этом мы имеем высказывания духовных лиц следующего типа: «Знание должно быть достоверным».

В этой связи приведем одно интересное рассуждение Э. Маха: «Схемы формальной логики и индивидуальной логики приносят [ученому] мало пользы, поскольку интеллектуальные ситуации никогда в точности не повторяются» [6. С. 200]. Интеллектуальные ситуации как структура какого-либо контекста, или как неотъемлемый элемент деятельности, или как, возможно, теоретическая система – это всегда упорядоченная модель реальности, которая *de facto* является определенным рода проекцией конституирующего основания, т.е. мы можем рассматривать любую интеллектуальную ситуацию как проекцию познающего субъекта, основание которой есть как раз так называемый познаваемый объект (реальность) с точки зрения позитивного знания. Проблема в том, что интеллектуальные ситуации неповторимы: схемы имеются, но возможность / невозможность их модификации (и их успешного применения) определяет в дальнейшем возможность / невозможность новой интеллектуальной ситуации как теоретической системы. Другими словами, именно основание, не без учёта пресуппозиции, обуславливает саму возможность интеллектуальной ситуации как аргументированную систему взаимоотношений различных элементов с точки зрения конкретной парадигмы знания, поэтому и ученый, и теолог, и, как это ни странно, художник не могут и никогда не смогут использовать так называемые *копии* или *образцы* интеллектуальных ситуаций. Пресуппозиция всегда конституирует новый ансамбль отношений в каждом конкретном случае посредством введения и использования новых элементов и их конфигураций: «Элемент как таковой не обладает совсем специфическим содержанием; все свое значение он получает только из занимаемого им в системе относительного положения» [7. С. 142], – отмечает Э. Кассирер. Действительно, если бы система квантовой физики была калькой теоретической системы относительности, то, вероятно, мы бы, собственно, не имели и представления о квантовой физике. В связи с этим актуален вопрос А. Карпенко: «Наверное, не одному человеку приходила в голову мысль, что если логика даже одного класса континуума людей (разумных существ) всегда конечное число и пусть каждый рас-

суждает по-своему, то что же тогда представляет собой Логика как таковая?» [8].

Логика – атрибут / элемент деятельности: поскольку деятельность разнообразна, постольку и логика разнообразна. Данный подход к проблеме логики и, следовательно, разнообразий интеллектуальных ситуаций частично обусловлен следующим сравнением Ф. Капры: «В теории Эйнштейна вещество не мыслится вне этого гравитационного поля, а гравитационное поле не мыслится без искривлённого пространства. Таким образом, вещество и пространство воспринимаются как непрерывно связанные понятия... как взаимосвязанные частицы единого целого» [9]. Вопрос об эпистемологических принципах, с одной стороны, не имеет (и не может иметь) никакого отношения к психологии, а с другой стороны, чем можно обосновать антипсихологизм пресуппозиции в принципе? Если любое высказывание системы (теоретической и др.) обусловлено пресуппозицией, то каким же образом система остается в целом вне пресуппозиции? Если «методы влияют на наши понятия» [10. С. 34], то каким же образом обусловленная ими та или иная модель реальности остается вне этого процесса? То есть правомерно ли допускать возможность модели реальности, которая не испытывает на себе влияние пресуппозиции, или может ли интуитивно конституируемая модель быть лишена компонента амбивалентности психофизической природы субъекта? Весьма сомнительно, в том числе и потому, что любые модели всегда сугубо историчны (птолемеевская астрономическая система, элиминированная физической картиной Ньютона и т.д.).

Действительно, реконструкция фактов, так же как и конституирование модели реальности, – процесс, который подвергнут опасности не только опровержения, но и частичного или полного несоответствия существующим стандартам знания. При этом не важно, что первое связано с ретенцией (как удерживанием), т.е. направлено назад, в прошлое, а второе – с протенцией (как продлением), т.е. задано будущим. Принятые стандарты настоящего одинаково «несводимы» ни к прошлому, ни к будущему, поэтому возникает вполне естественная проблема оснований, вернее, их метафизического статуса в контексте различных моделей реальности. Объект, как инвариант факта, во многом предопределяет «область допустимых значений» модели, т.е. утверждение Галилея о том, что Земля крутится, рассматривалось с точки зрения научного дискурса как «истинное» или «ложное», а с точки зрения телеологического дискурса как правомерное или неправомерное, но это утверждение не рассматривалось с точки зрения религиозного дискурса как моральное или аморальное, потому что религиозный дискурс предопределен приоритетом морально-этических понятий / категорий, к которым, по определению, вращение планеты не может иметь отношения. Именно этот фактор определяет возможные контексты использования приведенного высказывания, т.е. нельзя «отклонить» основания дискурса по причине какого-то нового фактора, не имеющего к нему никакого отношения. Система «тайных знаний»

и теорий, «объединяющих все элементы», здесь в расчёт принята быть не может. Следовательно, возможные приоритеты оснований и их метафизический статус обусловлены непосредственно моделью реальности: «Великое значение оснований заключено в их связи со всеми конкретными частями науки, но тем большей опасности они подвергаются перед лицом любого нового фактора» [1. С. 258], – приходит к заключению А. Эйнштейн, и «это созвучно утверждению Маха об авторитетности инстинктивных принципов и о необходимости приспособлять к ним эмпирические факты» [Там же], – продолжает П. Фейерабенд.

Рассмотрим, вслед за П. Фейерабендом, некоторые выводы А. Эйнштейна о научной системе Э. Маха: «Система Маха изучает отношения, существующие между данными эксперимента: для Маха наука есть совокупность этих отношений. Такая точка зрения ошибочна, и в действительности Мах создает каталог, а не систему <...> Мах призывает всегда иметь в виду целое. В его представлении историческое развитие механики заключалось в постепенном раскрытии, в сущности, “одного большого факта”» [1. С. 260–261], – приходит к выводу П. Фейерабенд. Очевидно, А. Эйнштейн делает вышеприведенное заключение на основе противопоставления, собственно, каталога и системы. То есть система, таким образом, либо исключает каталог как своеобразное упорядочивание элементов структуры, либо каталог как «данные эксперимента» вообще не может иметь отношения к научной системе, так как последняя структурирует непосредственно саму реальность, по отношению к которой любой эксперимент – всего лишь попытка выявления существующих / несуществующих взаимосвязей. При этом важно отметить, что любой эксперимент может быть как удачным, так и провальным.

По Э. Маху, факты как целое – это некое следствие инстинктивных принципов, т.е. возможность реконструкции факта – это не что иное, как акт феноменологического полагания, обусловленный психофизической реальностью субъекта, континуальность которого актуализирует мир как совокупность фактов, по Л. Витгенштейну. Поэтому исключение эксперимента, как и его данных, из области реального и соотнесение его только с конкретными моделями реальности весьма необоснованно, так как актуальность реальности вне модели невозможна. Реконструкция фактов – это процесс, напоминающий следующее положение вещей: ретенция как континуум [5. С. 13]. Поэтому проблема демаркации знания в контексте объективного знания выглядит как весьма надуманная, если общие факты и принципы их реконструкции предопределены континуальностью ретенции. В этой связи имеет смысл обратиться к противопоставлению исторической и абстрактной традиции, неоднократно упоминаемой П. Фейерабендом. Во-первых, принципиально исключается историчность абстракции, т.е. абстракция всегда эксклюзивна, более того, она вытеснена за пределы культурно-исторического «протекания». Во-вторых, историческая традиция странным образом нивелирует саму идею абстрактного, так как эта традиция определена исключительно объектами

(языком объектов), и не имеет значения, как в конечном итоге этот язык объектов конституирует взаимосвязи данных элементов. Другими словами, утверждение и аргументация двух традиций – это разные системы, противопоставленность которых не может быть упразднена посредством констатации наличия в них тождественных элементов. Итак: «Абстрактная традиция формирует утверждение. Утверждения подчинены определенным правилам (правилам логики, проверки, аргументации и т.д.) и события воздействуют на утверждения только в соответствии с этими правилами. <...> Это, как говорят, гарантирует “объективность” информации, сообщаемой этими утверждениями, или “знания”, которые они содержат» и «люди изучают сам язык объектов, а не то, что из него получается после обработки посредством абстрактных процедур (экспериментов, математизации)» [1. С. 389]. Язык объектов лишен функции формирования утверждений (следовательно, и представлений), и за этим следует невозможность тождества абстрактных процедур (аргументация, эксперимент и многое другое), без которых невозможна ни одна из существующих традиций, точно так же как невозможна и внеисторическая абстракция.

Таким образом, мы можем констатировать, что и абстрактность, и историчность – это принципы, являющиеся обязательными для любой модели (или системы представлений, системы знаний), так как модель реальности, одновременно выступая и как элемент деятельности, связанной с описанием мира, и как картина представлений, т.е. как конкретизация момента непрерываемого / длящегося процесса, является определенным образом структурированной системой, обладающей как правилами формирования, так и правилами интерпретации, что невозможно вне принципа абстрагирования и вне принципа историчности. Правила проверки и аргументации, правила употребления и т.д. – это атрибуты любой языковой игры, достоверность которой имеет конвенциональную природу, по Л. Витгенштейну, и как вид деятельности она не может быть ограничена, по определению, лишь некоторыми избранными дискурсами.

Исходя из этого, попытаемся проанализировать тезис о том, что модель, в которой элементы-индексы, указывающие во взаимодействии на то, что возможно и что невозможно в пределах текста, определяют соотношение, собственно, самого текста и реальности, его конституировавшей. Другими словами, структурный анализ текста моделирует не только инварианты языковых единиц, позволяющих определить их соотношение с соответствующими единицами конкретного реального текста, но также он моделирует и возможные / актуальные для нас «принципы» реальности, которые определенным образом конституируют сам текст. Следовательно, дискурс модели обусловлен дискурсом возможного понимания, который, в свою очередь, не ограничен исключительно рациональным аспектом знания.

В этой связи приведем известную проблему аутентичности «Слова о полку Игореве», суть которой состоит в том, что подлинность памятника, сгоревшего в московском пожаре 1812 г., установить невозможно

из-за отсутствия самого памятника. А. Зализняк, известный специалист в области структурной грамматики русского языка, на основании лингвистического анализа «Слова о полку Игореве» приходит к выводу о том, что установление факта подлинности памятника может быть произведено только на основании данных структурного, функционального, сравнительно-исторического анализа его элементов, т.е. рассмотрение данного объекта (памятника) в ретроспекции возможно только с точки зрения существующих на данном этапе средств анализа. «Необходимо, однако, ясно представлять себе общую ситуацию в конце XVIII в. Исторической лингвистики, т.е. науки об изменении языков во времени, еще не существует, до ее первых шагов еще остаются десятилетия. Никаких каталогов рукописей еще нет <...> палеография, позволяющая датировать рукописи по форме букв, еще находится в зачаточном состоянии. Никаких грамматик древнерусского языка еще нет. Никаких описаний фонетики и орфографии древних рукописей еще нет. Все эти знания были накоплены исторической лингвистикой лишь на протяжении последующих двух веков <...> И вот всех этих знаний наш фальсификатор должен был достичь сам – начиная от открытия самого фундаментального принципа изменяемости языка во времени и кончая сотнями конкретных деталей из фонетики, орфографии и грамматики рукописей разных веков и разных уголков Руси» [11]. Следовательно, если есть памятник, а принципы, актуальные для формирования его различных грамматических структур непрозрачны (отсутствуют критерии верификации / фальсификации), то создание его в более поздний период как подделки просто невозможно. То есть если нам неизвестна, по сути, сама лингвистическая реальность XV–XVI вв. по тем или иным причинам (вернее, принципы ее конституирования), то создание такого рода модели как «подделки» просто исключено.

Модель вне реальности (в смысле какого-либо положения вещей) – нонсенс. Модель, по определению, всегда *реалистична*, так как обусловлена актуальной реальностью для познающего субъекта. Природа так называемых тайных знаний обладает эзотерикой исключительно по причине элиминированной реальности для непосвященного субъекта. То, что приобретает символическую (знаковую) форму выражения, т.е. текст как объект безусловно, определенным образом соотношен с реальностью, а правила данного образца соотношения являются принципами конституирования конкретного текста / модели, поэтому если последние по различным причинам нам недоступны, сам текст как модель реальности для нас не существует, т.е. смысл и значение последнего для нас рассеиваются в контексте культурно-исторического поля. Именно в таком аспекте сопоставление примеров рационального и иррационального дискурсов ($E = mc^2$ и догмат о Троице) указывает на принципиальную невозможность противопоставления оных по причине отсутствия критериев для аргументов в пользу *рациональности* иррационального. То есть если смысл и значение модель приобретает из контекста, то в силу того, что объективно существуют различные модели (как рациональные, так и

иррациональные), точно так же объективно существуют и контексты, их структурирующие. Неслучайно в «Перекрестке бытия» Ж. Деррида отмечает: «Итак, нужно выбирать между текстами и темой. Недостаточно установить многозначность тематики, чтобы от-

крыть беспредельное движение письма. Последнее не просто увязывает множество нитей в одном-единственном термине, как если бы, потянув за эти нити, мы могли бы в конечном счете вытащить все его “содержание”» [12. С. 439].

ЛИТЕРАТУРА

1. Фейерабенд П. Прощай, разум. М. : Астрель, 2010. 477 с.
2. Шрёденгер Э. Пространственно-временная структура Вселенной. М. : Наука, 1986. 224 с.
3. Гируцкий А.А. Общее языкознание. Минск : Тетра Системс, 2001. 303 с.
4. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. М. : Гнозис, 1994. Ч. II. С. 78–319.
5. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени // Собрание сочинений. М. : Гнозис, 1994. Т. I. 162 с.
6. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М. : Бином. Лаборатория знаний, 2003. 456 с.
7. Кассирер Э. Познание и действительность. СПб. : Шиповник, 1912. 454 с.
8. Карпенко А. Логика на рубеже тысячелетий. URL: http://library.by/portalus/modules/philosophy/referat_show_archives.php?subaction=show-full&id=1107274875&archive=1208465572&start_from=&ucat=1& (дата обращения: 13.07.2014).
9. Капра Ф. Дао физики. Общие корни современной физики и восточного мистицизма. URL: <http://philosophy.ru/library/kapra/0.html> (дата обращения: 15.08.2014).
10. Мах Э. Механика. Историко-критический очерк её развития. Ижевск, 2000. 456 с.
11. Зализняк А.А. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве». URL: <http://www.historia.ru/2008/01/slovo.htm> (дата обращения: 21.08.2014).
12. Деррида Ж. Диссеминация. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 580 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 19 марта 2015 г.

THE PROBLEM OF OBJECTIVE KNOWLEDGE IN THE CONTEXT OF VARIOUS INTELLECTUAL SITUATIONS

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 97-101. DOI 10.17223/15617793/394/16

Goncharenko Mark V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: markgon73@rambler.ru

Keywords: objective knowledge; falsification; rationality; reality model; reality.

There exists a statement that positive knowledge appealing to the elimination of "inappropriate" segments of the reality relevant for us endows such a reality model with discrepancy of a high level. The "positive" knowledge disguises such a situation by means of qualifying everything irrational as senseless. Here we can speak about the use of the inherited principle of medieval tradition. That is why at this stage postmodernism discourse is an attempt of overcoming of extremely negative social and cultural contradiction of the rational and the irrational. Intellectual situations are a structured model of the reality, which in a way is a projection of a constituent basis; one can consider any intellectual situation as a projection of the cognizer, the basis of which is the so-called cognized object (reality) from the positive knowledge point of view. The problem is that intellectual situations are not repeated: there are schemes, but the possibility of their modification determines the possibility for further creation of a new intellectual situation as a theoretical system. It is the basis, including presuppositions, that determines the possibility of intellectual situation as an argumentative relations system of various elements from the point of view of some concrete knowledge paradigm. That is why a scientist, a theologian and even an artist will never be able to use the so-called copies or samples of intellectual situations. Presupposition always constructs a new ensemble of relations in any concrete case by means of introduction and usage of new elements and their configurations. Fact reconstructing, as well as reality model constructing, is a process, which can be not only refuted, but also recognized as partially or fully inappropriate to the existing knowledge standards. The existing standards of the present can equal to neither the past nor the future. That is why there appears quite a natural problem of foundations or, rather, their metaphysical status in the context of various models of reality. The object as an invariant of the fact predetermines the "sphere of allowable meanings" of a model. The model beyond the reality is nonsense. The model is real, because it is determined by the reality for the cognizer. So the fact is the object of "impact" and the subject of "action" at once.

REFERENCES

1. Feyerabend P. *Proshchay, razum* [Farewell to Reason]. Moscow: Astrel' Publ., 2010. 477 p.
2. Schrödinger E. *Prostranstvenno-vremennaya struktura Vselennoy* [Spatial and temporal structure of the universe]. Moscow: Nauka Publ., 1986. 224 p.
3. Girutskiy A.A. *Obshchee yazykoznanie* [General Linguistics]. Minsk: Tetra Systems Publ., 2001. 303 p.
4. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Moscow: Gnozis Publ., 1994. Pt. II, pp. 78–319.
5. Husserl E. *Sobranie sochineniy* [Works]. Moscow: Gnozis Publ., 1994. V. I, 162 p.
6. Mach E. *Poznanie i zabluzhdenie. Ocherki po psikhologii issledovaniya* [Knowledge and Error. Essays on the psychology of research]. Moscow: Binom. Laboratoriya znaniy Publ., 2003. 456 p.
7. Cassirer E. *Poznanie i deystvitel'nost'* [Cognition and Reality]. St. Petersburg: Shipovnik Publ., 1912. 454 p.
8. Karpenko A. *Logika na rubezhe tysyacheletiy* [Logic at the threshold of the Millenniums]. Available from: http://library.by/portalus/modules/philosophy/referat_show_archives.php?subaction=show-full&id=1107274875&archive=1208465572&start_from=&ucat=1&. (Accessed: 13.07.2014).
9. Kapra F. *Dao fiziki. Obshchie korni sovremennoy fiziki i vostochnogo mistitsizma* [The Tao of Physics. Common roots of modern physics and Eastern mysticism]. Available from: <http://philosophy.ru/library/kapra/0.html>. (Accessed: 15.08.2014).
10. Mach E. *Mekhanika. Istoriko-kriticheskiy ocherk ee razvitiya* [Mechanics. The historical-critical study of its development]. Izhevsk, 2000. 456 p.
11. Zaliznyak A.A. *Problema podlinnosti "Slova o polku Igoreve"* [The problem of authenticity of The Tale of Igor's Campaign]. Available from: <http://www.historia.ru/2008/01/slovo.htm>. (Accessed: 21.08.2014).
12. Derrida J. *Disseminatsiya* [Dissemination]. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ., 2007. 580 p.

Received: 19 March 2015